

Михаил Тельнов

Учебный крейсер «КИРОВ».
Впечатления и уроки от службы
(август 1968 г. – декабрь 1971 г.).

2015

5012

Михаил Тельнов

Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки от службы командира группы управления артиллерийским огнём главного калибра (август 1968 г. – декабрь 1971 г.).

Санкт-Петербург
2015

Большое количество проблем, как правило, возникает из-за недостаточного внимания к овладению управленческими навыками. В подавляющем большинстве случаев предполагается, что каждый руководитель уже обладает ими. Такой подход резко снижает эффективность выполнения задач, затрудняет достижение высоких показателей в организации и снижает темпы её развития.

В книге на примере организации крейсера описаны основные инструменты управления, имеющие прикладной характер. Показана система взаимоотношений в коллективе. Инструменты проиллюстрированы конкретными примерами из жизни. Материал книги разбит на пять глав, в которых дана характеристика командования, рассмотрены особенности взаимоотношений в среде офицеров крейсера, некоторые вопросы управления личным составом. Рассмотрена деятельность специалистов по идеологии и воспитательной работе.

Электронная книга адресована профессионалам, чья деятельность связана с управлением.

Содержание

Соглашение об использовании информации.....	5
Введение.....	7
Глава 1. Командный состав крейсера «КИРОВ».....	10
Глава 2. Офицерский состав крейсера «КИРОВ».....	15
Глава 3. Личный состав моей группы.....	23
Глава 4. О политической работе и политработниках.....	30
Глава 5. Некоторые заключительные наблюдения и выводы.....	41
Заключение.....	47
Приложения.....	48
1. Материал предоставленный Вилиным Ю. Г.....	49

Соглашение об использовании информации

Электронная книга «Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки от службы (август 1968 г. – декабрь 1971 г.)» защищена законом об авторском праве и смежных правах на территории России, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины, стран СНГ и Балтии, Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Все авторские и смежные права принадлежат Тельнову Михаилу Михайловичу.

Электронная книга «Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки от службы (август 1968 г. – декабрь 1971 г.)» предназначена для личного использования и поставляется в виде «как есть». Она подготовлена для того, чтобы предоставить информацию об обсуждаемом в ней предмете, доступную автору на момент ее подготовки.

Электронная книга «Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки от службы (август 1968 г. – декабрь 1971 г.)» имеет единственной своей целью предоставить читателю информацию по рассматриваемым в ней вопросам и распространяется совершенно бесплатно с пониманием, что автор, издатель и законный распространитель электронной книги «Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки от службы (август 1968 г. – декабрь 1971 г.)» не претендует на предоставление каких-либо юридических, финансовых или профессиональных рекомендаций и советов. Если необходима юридическая или профессиональная помощь по затронутой тематике, следует обращаться к соответствующим официальным службам.

Автор, издатель и законный распространитель электронной книги «Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки от службы (август 1968 г. – декабрь 1971 г.)» не несет никакой юридической или финансовой ответственности за действия третьих сторон, возможные ошибки, связанные с использованием книги, непонимание и (или) неправильное применение ее материалов.

В электронной книге «Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки

от службы (август 1968 г. – декабрь 1971 г.)» выражено мнение автора по данному вопросу. Мнение издателя и законного распространителя электронной книги «Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки от службы (август 1968 г. – декабрь 1971 г.)» может кардинально отличаться от мнения читателя.

Ни издатель, ни автор, ни законный распространитель электронной книги «Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки от службы (август 1968 г. – декабрь 1971 г.)» не несут какой-либо ответственности за действия, которые будут выполнены читателем после изучения ее материалов, а также за неверную интерпретацию ее содержания.

Все действия, предпринимаемые читателем на основании информации, изложенной в электронной книге «Учебный крейсер «КИРОВ». Впечатления и уроки от службы (август 1968 г. – декабрь 1971 г.)», совершаются им на собственный риск и не накладывают ни каких обязательств на автора, издателя или законного распространителя настоящего издания.

Введение

Сослуживцы уже давно просили написать об артиллерийском крейсере «Киров». Но работа даже не начиналась, так как мне было не ясно о чем конкретно нужно писать. Технические характеристики и боевой путь артиллерийского крейсера «Киров» уже давно описаны и изложены в различных публикациях, в том числе и в интернете.

Начавшаяся работа совета ветеранов крейсеров «Киров» по упорядочению и систематизации воспоминаний выявила пробел в информации об артиллерийском крейсере «Киров». После чего мне было настойчиво предложено продолжить, всё ещё не начатую, работу. Для выработки концепции пришлось обратиться за советом к товарищам по службе.

В результате неоднократного общения и родился подход к изложению материала. Существенную помощь в выработке концепции оказали: Илюхин Борис Андреевич, Ковальчук Александр Сергеевич, Пономарев Борис Павлович, Портнов Валентин Григорьевич. Я искренне благодарен им за помощь, оказанную в выработке концепции и полезные советы по написанию данного текста.

Безусловно, главное действующее лицо - экипаж артиллерийского крейсера «Киров». Раскрывать его особенности целесообразно последовательно. Сначала о командовании корабля, затем об офицерском составе, потом о личном составе и мичманах, в конце о политработе и политработниках.

Основной способ показа жизни и особенностей экипажа - через описание его реакции в различных ситуациях. В поиске перечня таких ситуаций и проявилось основная проблема. Предлагаемые мне для описания случаи я просто не помню, так как не был их участником, то есть описание их нужно было бы придумывать.

Пришлось пойти на риск и принять непростое для себя решение показать экипаж через реальные случаи, происходившие со мной. Однако, при таком подходе появляется другая опасность. Личность может незаметно выйти на

первый план. Кроме того, считаю, что не все мои поступки достойны публичной огласке.

Выход из данной ситуации увидел в формулировке коротких выводов в конце каждого раздела об особенностях экипажа и его влияние на формирование системы взглядов, тогда ещё молодого офицера. Дополнительно решил максимально сократить описание событий, происходивших лично со мной.

Хотя и прошло много времени, но многие моменты жизни крейсера оказались не только чётко зафиксированы в памяти, но и в результате определённой внутренней работы прошли путь от просто знания до уровня личных взглядов.

Толчком для такой работы стала встреча с бывшим командиром крейсера «Киров» капитаном 1 ранга Викторовым Борисом Васильевичем. В какой-то из праздников крейсер стоял на якоре, на внешнем рейде напротив Чумного форта. Меня вызвал помощник командира корабля и приказал доставить Борис Васильевича на берег.

Катер влетел в Среднюю гавань г. Кронштадта и лихо ошвартовался у Адмиральского причала. Капитан 1 ранга Виктор Б. В. поблагодарил команду и неожиданно для меня сказал: - «Лейтенант уходи с крейсера как можно быстрее. Запомни, лучше быть командиром рейдового тральщика, чем командиром группы на крейсере. На тральщике должность самостоятельная».

Услышать такую «крамолу» от бывшего командира крейсера стало настоящим шоком для меня. После непродолжительного размышления, стал наблюдать за тем, как принимает и насколько самостоятелен в принятии решений офицерский состав корабля. В дальнейшем, вполне осознанно (и далее в течение последующей службы), внимательно наблюдал за деятельностью командного состава, фиксируя в памяти стиль его работы.

Сразу отметая не понравившиеся действия и приёмы, начал постепенно формировать свою систему представлений о работе командиров. Эта

система и является той точкой зрения, с которой и рассматриваются описываемые события на артиллерийском крейсере «Киров».

Приятного чтения.

Глава 1. Командный состав крейсера «КИРОВ»

Командир крейсера капитан 1 ранга Пилипенко Иван Кузьмич остался в памяти, как строгий и довольно хмурый человек. Поговаривали о его взрывном характере. Я, будучи не очень довольным своим назначением на артиллерийский крейсер (тем более, что в соседней бригаде ракетных катеров был большой недокомплект ракетчиков), решил добиться перевода в эту бригаду.

Поэтому мой визит к командиру готовился довольно тщательно. Вошёл в каюту, увидев удивлённые глаза командира, представился. Смотрю, начинает «закипать», быстро доложил, что прибыл в соответствии с его же организационным приказом «О приёме по личным вопросам». Он вдруг повеселел и стал с любопытством меня слушать.

Я ему доложил, что четыре курса учился ракетному делу в Черноморском Высшем Военно-морском училище имени Павла Степановича Нахимова в городе Севастополе. А в Высшем Военно-морском училище имени Михаила Васильевича Фрунзе в городе Ленинграде был всего год на пятом курсе по решению Главкомандующего Военно-морским флотом.

Поэтому считаю себя больше ракетчиком, чем артиллеристом, и прошу разрешить перевод в бригаду ракетных катеров, где меня ждут, не дождутся (так и было на самом деле). После доклада вручил ему заранее написанный рапорт. Он внимательно прочитал его и, неожиданно для меня, предложил присесть. Начал расспрашивать о семье, службе и не было ли каких-нибудь конфликтов с кем-нибудь.

Убедившись, что лейтенант на крейсере окружён заботой и практически любовью, он вернул мой рапорт и сказал: - «Служить на крейсере. И запомни, после него тебе на флоте везде будет служить легко». После непродолжительного пребывания в состоянии меланхолии я вошёл в обычный ритм службы.

Не скажу, чтобы уж очень легка была последующая служба. Но полученные навыки и взгляды, сформировавшиеся под влиянием экипажа крейсера, послужили базой для всех последующих решений. Опыт службы на крейсере давал уверенность в своей правоте и с этой точки зрения капитан 1 ранга Пилипенко Иван Кузьмич был совершенно прав.

Командир крейсера капитан 1 ранга Макаров Владимир Павлович. Ранее был старшим помощником на крейсере. Командиром стал в январе 1969 года после ухода капитана 1 ранга Пилипенко И. К. к новому месту службы (назначен начальником штаба — заместителем командира Потийской военно-морской базы).

Запомнился исключительно доброжелательным отношением к подчинённым. Не любил длинных речей и совещаний. Требовал кратких и по существу дела докладов. Из большого потока информации умел выделить главное и мгновенно принять решение. Причём умел выбирать такой вариант, который одобрялся большей частью экипажа. С точки зрения офицеров справедливо и оперативно разрешал возникающие конфликтные ситуации.

Макаров Владимир Павлович мастерски и эффектно выполнял представительские функции. Лично занимался организацией приёмов различных делегаций, шефов и почётных гостей, вникая во все детали. Это создавало особую атмосферу ответственности всех лиц, задействованных в мероприятии.

Его спокойствие и благожелательность благотворно влияла на окружающих. Ни разу не слышал за три года службы, чтобы он повысил на кого-нибудь голос. Мог пойти на обоснованный риск. Сам, будучи вахтенным офицером, неоднократно с ужасом и восхищением наблюдал, как он, отказавшись от буксиров, лихо машинами разворачивал крейсер в Средней гавани Кронштадта и кормой швартовался к причалу Восточная Усть-Рогатка.

Последний раз я видел Владимира Павловича Макарова в г. Североморске на атомном крейсере. Командир был в отпуске. В должности начальника отдела устройства службы ВМФ контр-адмирал Макаров Владимир Павлович

проводил на нашем корабле трёхдневные сборы начальников ОУС флотов и военно-морских баз.

Ночевали они в гостинице. Но с подъёма Военно-морского флага и до ужина внимательно изучали нашу организацию. В первый день Владимир Павлович представил меня участникам сборов, как офицера, служившего под его началом. Далее был мой доклад по организации крейсера, потом ознакомление с документацией.

Оставшиеся два дня они наблюдали за организацией повседневной службы, подготовкой и разводом суточного наряда. Так что нам пришлось фактически сдать первую курсовую задачу. В итоге мы успешно прошли это испытание, благодаря пониманию сложности момента каждым членом экипажа, за что, по сей день, всем благодарен.

Старший помощник командира капитан 2 ранга Мамзиков Георгий Александрович. Интеллигентный офицер с большим кругозором. Его работу мне трудно описать, так как довольно редко попадал, да и то исключительно на дальнюю границу его поля зрения. Это могло произойти во время занятий по тактической подготовке, во время обходов корабля, различных разборов и инструктажей.

Говорил негромко, даже тихо. Задачи ставил чётко и уверенно, со знанием дела. Никогда не слышал от него мата или крика, по легенде так присущих старпомам.

Худощавый, аккуратный. Форма словно только что из ателье, рубашка накрахмалена. Обходил корабль в перчатках с металлическим крючком, вытаскивая из щелей разный хлам. После обхода все расписывались в журнале замечаний и неделю их устраняли.

Офицерам даже нравился такой подход к делу. Можно было самим не обходить, старпом поработает, а мы устраним замечания. Вспоминая эту ситуацию, пришёл к выводу, что старпом должен проверять не помещения (хотя это и предусмотрено Корабельным уставом), а организовать и уметь контролировать эффективность функционирования системы обходов

помещений командирами подразделений. А это уже другой подход и степень ответственности начальников.

В свободное время писал маслом картины, чем немало изумлял меня. Был склонен к быстрой смене настроения, как если бы вспоминал нечто неприятное. Однако, состояние ипохондрии не сказывалось на делах. Он умел блокировать эмоции и не транслировать их на подчинённых. Но лучше было, на всякий случай, не показываться ему на глаза или держаться подальше.

Он был невидимым метроном корабельной жизни. Стоило мне, как вахтенному офицеру, на две три минуты задержать команду - сразу следовал звонок от старшего помощника. Если попытаться одним словом описать, то, что осталось в памяти, то больше всего подойдёт термин «Призрак». Внезапно появившись, почти тихо исчезал. Надо учесть, что данный образ сформировался у молодого лейтенанта и мог существенным образом отличаться от мнения других офицеров.

Заместитель командира корабля по политической части капитан 2 ранга Костырев Сергей Сергеевич. Производил впечатление уверенного в своей правоте человека. Говорил чётко, короткими фразами, умел слушать и услышать собеседника. Был лёгок на подъём. Проблемы не забалтывал, решал конкретно. Умело формулировал и ставил задачи. Держал на личном контроле многие стороны корабельной жизни, но особенно тщательно вопросы, касающиеся политической работы.

Умел выделять главное, пренебрегая мелочами. Политработников держал в ежовых рукавицах. Одним словом, влиятельный и самодостаточный человек. Его стиль работы больше напоминал работу строевого офицера, чем политического работника. Не скажу, чтобы он был злопамятным, но все мои проколы помнил хорошо.

Только молодой секретарь комитета ВЛКСМ, мой одноклассник, Иванов Валерий Иванович мог позволить себе возражать ему. Сергей Сергеевич сначала удивлялся этому, но внимательно и с интересом слушал его. Потом

приходил в весёлое расположение духа и неожиданно для всех соглашался с его доводами.

У меня сложилось впечатление, что его смелость нравится ему. Молодой задор, настойчивость и решительность в отстаивании своей точки зрения секретарём ВЛКСМ явно импонировали ему. Сложилось впечатление, что он как бы вспоминал себя в молодости.

Впоследствии Костарев С. С. был секретарём парткома гостиниц города Ленинграда. Совместно с бывшим командиром бригады Анри Викторовичем Петерсоном, Сергей Сергеевич оперативно оказывал неоценимую помощь по размещению в гостиницах офицеров Главного штаба ВМФ и штаба эскадры, прибывающих для работы с нашим экипажем. По сей день с благодарностью вспоминаю его за эту помощь и за благожелательное отношение к нашим просьбам.

Помощник командира капитан 3 ранга Кулешов Александр Иванович.

Поджарый, высокий, коммуникабельный, мобильный и на удивление доброжелательный человек. Застать его в каюте было невозможно. То с боцманом обходит причал или верхнюю палубу корабля, то проверяет утреннюю зарядку, то на причале руководит строевыми занятиями, то проверяет или инструктирует корабельную вахту. Всегда был сосредоточен, спокоен и не суетлив.

Он довольно плотно курировал меня по общекорабельным вопросам. Александр Иванович настойчиво приучал меня ежедневно обходить своё заведование, пока не убедился, что я стал это делать сам, автоматически. Так что был всё время в поле зрения начальников. В дальнейшем это привычка уберегла меня от многих неприятностей. С одной стороны ниже командира группы не назначают, но выглядеть бестолковым и нерадивым офицером не хотелось.

Много лет спустя, уже в запасе, я его встретил на пешеходном переходе. Он очень спешил. Мы узнали друг друга, хотелось поговорить, но он извинился и сказал, что опаздывает к внукам. Так и остался в памяти стремительным и осознанно сосредоточенным человеком.

Глава 2. Офицерский состав крейсера «КИРОВ»

Офицеры на крейсере служили подолгу. Некоторые были переведены в Кронштадт и назначены на крейсерскую должность по семейным обстоятельствам. Так, например, мой сосед по каюте командир башни капитан-лейтенант Болдырев Виктор Иванович был командиром тральщика на Северном флоте. Некоторые перехаживали в должности.

Отсутствие в штате нескольких лейтенантов вообще не сказывалось на выполнении задач крейсером. Однако, когда прибыло целых пять лейтенантов (штурман, артиллерист, офицер по снабжению, механик, секретарь комитета ВЛКСМ), то они сразу же попали в поле зрения офицеров корабля. Думаю, такое внимание объяснялось естественным стремлением распределить часть нагрузки на вновь прибывших офицеров. Все были исключительно доброжелательны и стремились как можно быстрее обучить молодёжь.

Спустя месяц после моего прибытия крейсер находился в Балтийске. Экипаж отдыхал после перехода. Выход был запланирован на 06.00 понедельника. В воскресенье перед обедом (когда ещё отсутствовало командование) неожиданно для себя вдруг решил пригласить всех офицеров крейсера отужинать в ресторане «Золотой якорь». Повод - получение первой морской полочки, которую предложил использовать на благое дело. Моя короткая речь была воспринята с пониманием и одобрена, а приглашение было благосклонно и с удовлетворением принято.

Чтобы представить масштаб катастрофы достаточно сказать, что в то время коньяк три звёздочки стоил примерно 1 рубль 17 копеек, а денежное содержание лейтенанта было около 130 рублей в месяц. Не буду вдаваться в детали, но боевую готовность славного крейсера подорвал весьма существенно. Однако, несмотря ни на что, крейсер вышел в море строго по плану. Сам по себе этот случай не достоин Вашего внимания, если бы не события, следовавшие за ним.

На следующий день начался разбор полётов. На ковёр заместителя командира корабля по политической части Сергей Сергеевича Костырева по очереди шёл весь офицерский состав. Вызывали по старшинству, я был последний. Не дослушав моё бормотание, Сергей Сергеевич задумчиво произнёс: - «Только один человек сказал, что он организатор. Но я в это не верю. Слишком мало времени на корабле».

Не стал его разубеждать. Сергей Сергеевич походил, потом махнул рукой, выпроваживая меня с каюты, но предупредил, что бы это было в последний раз. Как выяснилось позднее, все участники мероприятия (даже политработники) сказали, что оказались в ресторане случайно, ненароком, проходя мимо, решили просто попить минералки.

Офицер, который что-то сказал про меня, вскоре был вычислен и подвергнут общественному порицанию. По большому счёту я для них был никто. Подумаешь, что потом будет с зелёным лейтенантом. Но в экипаже не было традиций валить своих, все старались действовать как единое целое. Так до меня постепенно дошло осознание того, что и я стал членом экипажа учебного крейсера «Киров» и нужно изучать и знать неформальные правила и традиции коллектива.

Прошло несколько месяцев, жизнь шла своим чередом. После одного из занятий по тактической подготовке (с младшими офицерами занятия, как правило, проводили командиры боевых частей) главный штурман крейсера Евгений Александрович Ринарди попросил меня остаться. Усадив напротив, спросил, нет ли у меня желания к началу навигации сдать зачёт на допуск к несению ходовой вахты, так как с допуском к несению вахты на якоре справился довольно быстро.

На крейсере вахтенными офицерами на ходу стояли командиры дивизионов, батарей и два командира башни, но все в звании, как минимум, капитан-лейтенант. Предложение было неожиданным, но интересным. Как позже выяснилось, командир крейсера Владимир Павлович Макаров после каждого занятия лично принимал доклад руководителя и внимательно отслеживал уровень подготовки каждого офицера.

Через неделю у меня уже был зачётный лист. Немного позднее я понял преимущество, которое даёт мне этот лист. Вместе с ним я получал и право свободного общения со всеми командирами боевых частей и начальниками служб, хотя и в пределах программы подготовки на допуск. Двери кают начальников оказались для меня открытыми. Им даже нравилось видеть искренний интерес к их личности и знаниям.

Все зачёты были сравнительно легко сданы, кроме устройства корабля. Главный механик крейсера Геннадий Тимофеевич Халиманович был непреклонен. Уже несколько раз прошёл все помещения корабля, даже в цепном ящике побывал. Но он задавал все новые и новые каверзные вопросы, то о количестве гаек на горловине цистерны, то требовал чертить схемы водонепроницаемых переборок и так далее. В итоге определял новый маршрут и рекомендовал его пройти.

На одном из занятий по устройству корабля попытался оспорить такой уровень требовательности, спросив, что будет, если он сам не сможет ответить на вопрос. Геннадий Тимофеевич сказал, что, если кто-то из нас задаст ему вопрос, на который он сам не сможет ответить, то этот лейтенант сразу же получает зачёт и почётное звание лучшего знатока устройства корабля.

Я уже потерял всякую надежду сдать зачёт, но мне помог случай. Накануне майских праздников все помещения тщательно осматривались на предмет пожаробезопасности и на наличие заблаговременно припрятанного спиртного. Вместе со старшиной команды электриков Алексей Алексеевичем Кутузовым тщательно проверили все посты.

Вдруг он вспомнил какое-то место, о котором мало кто знает, и решил на всякий случай его тоже проверить. Оказывается, под пайолами (съёмный дюралевый настил) боевой рубки был люк, через который можно было попасть в помещение высотой примерно в полтора метра. Там хранились запасные инструменты и принадлежности для восьмиметровых дальномеров. Наверное, в силу малой высоты помещения на чертежах оно показано не было.

Внизу помещения был люк, который выходил в боевой информационный пост (БИП). В свою очередь, БИП сообщался с центральным артиллерийским постом, в котором размещался мой командный пункт. Таким образом, все три помещения были заключены в цилиндрическую вертикальную броневую капсулу толщиной 150 миллиметров.

На время ведения боя все должны были с ходового мостика перейти в боевую рубку. В критических ситуациях можно было, не выходя из бронированной капсулы, получать информацию от БИПа и управлять огнём главного калибра через центральный артиллерийский пост.

После праздников решил сделать очередной заход к Геннадию Тимофеевичу Халимановичу. Он успешно завалил меня в очередной раз, и уже уходя из каюты, я вдруг решил рискнуть. «А можно Вам задать вопрос?» - спросил его, опасаясь бурной реакции. Он отреагировал спокойно, но предупредил, что только что, я продлил себе изучение корабля, как минимум, на год.

Суть моего вопроса заключалась в том, чтобы найти все выходы из боевой рубки, если заклинило дверь рубки. На моё счастье про люк под пайолами он не знал. Услышав ответ, он сразу же отменил запланированное совещание и потребовал немедленно показать ему этот выход. Мы вдвоём, под удивлёнными взглядами моряков, пролезли через все эти люки. В его каюту вернулись молча.

После непродолжительной паузы я ему скромно заметил, что не претендую на почётное звание лучшего знатока устройства корабля и готов ограничиться только зачётом. Он рассмеялся и сказал, чтобы я тащил свой лист и не вздумал делиться своим опытом ещё с кем-нибудь на корабле. К удивлению командира крейсера Владимира Павловича Макарова все командиры боевых частей ещё и устно подтвердили мою готовность нести вахту на ходу.

Так я получил возможность наблюдать внутреннюю кухню управления кораблём в море. Вахтенный офицер дублировал работу штурмана и самостоятельно вёл прокладку. Штурман работал в штурманской рубке. Постоянно шло негласное соревнование, кто точнее определит место корабля. Спустя некоторое время Владимир Павлович приказал помощнику

командира ставить меня на вход и выход из баз, таким образом, первые и последние вахты стали моими.

1970 год был насыщен мероприятиями, связанными с празднованием 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина, кроме того крейсер участвовал в манёврах «Океан», позже посетил порт Гдыня с дружественным визитом. Гостей на корабле было много, но кроме флагмана, командира корабля и вахты на ходовом мостике больше никого не видел.

Более того, стал невольным свидетелем, как Герой Советского Союза адмирал флота Касатонов Владимир Афанасьевич отчитал сопровождающего его офицера только за попытку без нужды постоять на ходовом мостике. Этот случай очень мне понравился и надолго запомнился. Значительно позднее пришло осознание того, что это был поступок настоящего моряка, который со временем не превратился в обычного чиновника.

Иногда, корабельный терапевт Юрий Вилин или командир дивизиона живучести Олег Капралов могли запросто зайти ко мне в каюту и предупредить об обнаруженных недостатках на моём заведовании. Соответственно каждый по своей части. Медики о санитарном состоянии, механики по аварийно-спасательному имуществу или по переносному электрооборудованию. Я сразу же принимал меры к их устранению. Первоначально думал, что это было обусловлено каким-то особым отношением лично ко мне. Но позднее обнаружил, что так поступают по отношению ко всем офицерам.

Лейтенантом было проще влиться в экипаж, чем, например, новому старшему помощнику командира, назначенному с другого корабля. Попытки устанавливать свои правила, не познав существующие традиции, заканчивались крахом и серьёзными конфликтами. И хотя, со временем, всё вставало на свои места, со стороны всё выглядело, как борьба Дон Кихота с ветряными мельницами.

Впоследствии, вспоминая и анализируя служебные отношения офицеров, пришёл к выводу, что на артиллерийском крейсере «Киров» была частично реализована матричная организационная структура (см. интернет).

Существовали три самостоятельных и независимых друг от друга основных (вертикальных) контура управления.

Это контур старпома (боевая подготовка, боевая готовность), помощника командира (стрелковая, морская, строевая и физическая виды подготовки, содержание плавсредств, надстроек и бортов корабля), и заместителя командира корабля по политической части (политическая подготовка). Все они были замкнуты на командира и реализовали полный цикл управленческих функций как-то: планирование, организация и контроль. Контур старпома дополнительно осуществлял координацию мероприятий по месту и времени.

Но это ещё не все, на крейсере существовали и дополнительные (горизонтальные) контура управления с ограниченными функциями (как правило, контрольными). Поясню на примере. Дозор живучести во время обхода фиксировал состояние аварийно-спасательного имущества. Результаты докладывались командиру дивизиона живучести Олегу Капралову. После вечерней поверки он мог оставить старшин команд и командиров групп и установить им срок устранения замечаний.

Не устранившие замечания попадали в жернова основного контура управления. Желающих общаться со старпомом или помощником не было. Горизонтальных контуров было несколько с различными объектами управления. Весь экипаж охватывали начальник медицинской службы, начальник химической службы, командир электротехнического дивизиона и дивизиона живучести.

Главный штурман и главный механик курировать подготовку офицеров корабля по кораблевождению и устройству корабля соответственно. Главный артиллерист осуществлял подготовку к управлению стрельбой офицеров артиллеристов. Их указания на корабле воспринимались офицерами как приказ непосредственного начальника.

Это позволяло мне молодому лейтенанту первого года службы спокойно зайти в каюту главного механика или главного штурмана для уточнения вопросов касающихся их сферы деятельности. Это воспринималось совершенно естественно и все спокойно давали необходимые разъяснения.

Чем больше организация, тем большие потоки информации необходимо обрабатывать. Возможности каждого отдельного человека по переработке информации ограничены. Поэтому, наряду с автоматизацией процесса управления, можно формировать дополнительные контура управления по определённым сферам деятельности.

На крейсере было три основных контура, на авианосце их может быть четыре или пять. При больших объёмах информации возможно введение специального координирующего контура. Это позволит, более или менее, равномерно распределять нагрузку на лиц принимающих управленческие решения и исключить появление узких мест.

Теперь, надеюсь, становится понятно, почему старпом артиллерийского крейсера «Киров» мог позволить себе по вечерам писать «картину маслом». Но, самое главное, это то, что он спокойно, в полном душевном равновесии, в здравом уме и с кистью в руке, мог уяснить ситуацию, спрогнозировать её развитие и принять соответствующие упреждающие управленческие решения. Иными словами, он управлял ситуацией, а не ситуация им. А это важнейший показатель эффективности любой управленческой системы.

Не могу обойти достаточно тонкую и чувствительную тему. Это тема алкоголя. Как ни странно это звучит, на крейсере было особое (можно сказать аристократическое) отношение к алкоголю. Поход в ресторан «Золотой якорь» в городе Балтийске был единственным исключением на моей памяти. Не было и длительных посиделок в закрытых каютах.

Однако, совсем без алкоголя не обходилось. Спирт не пили, но все умели отличать этиловый спирт от метилового и дихлорэтана, знали приёмы употребления чистого спирта и умели правильно его развести. Эти все знания, как и ряд историй с ними связанных, передавались из поколения в поколение и говорили больше о принадлежности к экипажу, чем имели практическое значение.

Водка тоже была не в чести. Офицеры предпочитали выдержанный коньяк. В основном армянский, так как он считался более мягким и ароматным, чем грузинский. Когда наступало особо значимое событие, все последовательно приглашались в каюту. Стол накрывался чистой крахмаленной скатертью.

На столе был набор стопок ёмкостью примерно 50 - 60 миллилитров, большие овальные тарелки с нарезанным лимончиком, шоколад и маленькие бутерброды на один укус с вяленой колбаской, красной рыбой или икрой. (Продукты доставались через помощника по снабжению, у которого были свои связи в военторге, а посуда была в ведении заведующего столом кают-компании, которым я бессменно пробыл все три года.)

Два или три человека заходили в каюту. Коньяк разливался по стопкам, согревался в руке, потом, после короткого вдоха, залпом выпивался с последующим медленным выдохом через нос. Закусывали лимончиком или шоколадом. Затем произносилась короткая напутственная речь. Съедался один бутерброд на выбор и соучастники убывали оповестить следующих офицеров.

Все эти действия, скорее всего, соответствовали некоторому ритуалу для посвящённых, чем банальному распитию спиртных напитков. Выпивали не более одной рюмки и съедали один бутерброд. Некоторые иногда отказывались. Не принято было их заставлять или уговаривать, а также выяснять причину отказа. Уже самого факта прибытия в каюту было достаточно.

Особо значимыми событиями считались: присвоение воинского звания, назначение на новое место службы и, почему-то, убытие в отпуск. Все остальные события как-то: дни рождения и различные многочисленные праздники на корабле алкоголем не обозначались.

Обсуждая тему алкоголя с Владимиром Ивановичем Болдыревым (моим соседом по каюте и большому знатоку вин и других крепких напитков, но яростного противника пьянства), вспоминали о сломанных судьбах многих офицеров и пришли к выводу о его сомнительной пользе для службы.

На корабле была спокойная, доброжелательная и деловая атмосфера, без истерик, криков и воплей. Все были матёрыми профессионалами своего дела. Каждый знал своё место и роль, а также тот вклад, который он должен внести в решение общей задачи. Офицеры знали себе цену. Это был зрелый воинский коллектив со своими негласными традициями и правилами.

Глава 3. Личный состав моей группы

В группе было две команды, электриков артиллерийских и дальномерщиков. Обе возглавлялись мичманами. Кроме того, в каждой команде был командир отделения. Остальные были специалистами. Вместе с командиром группы всего 21 человек. Тогда на флоте служили 3 года. Все моряки были со средним образованием и из крупных городов. Более половины специалисты первого класса и отличники боевой и политической подготовки (группа была отличной).

В заведовании группы находились и, следовательно, в зоне моей ответственности были: содержание призовой шлюпки и подготовка её команды, командирский катер, парадный трап (трап правого борта), блок флагмана, кают-компания и салон отдыха офицеров, боевая и ходовая рубка (сакральное место на каждом корабле), показной кубрик номер 2, центральный пост управления артиллерией главного калибра, командно-дальномерный пост (восьми-метровый дальномер на самом верху фок мачты для измерения оптическим способом дистанции и направления на всплески при стрельбе главным калибром).

Моряки жили и питались в кубриках. Кубрики были оборудованы специальными шкафчиками, в которых хранилась алюминиевая посуда. Накануне приёма пищи бачковой и его помощник ставили столы, накрывали их, потом бежали на камбуз за пищей. После окончания приёма пищи мыли посуду и укладывали её в шкафчики. Приём пищи всегда был на контроле у командования, так как наибольшее количество нарушений было именно в этой сфере.

Специальной и общей подготовкой группы занимались опытные старшины команд. Командир дивизиона главного калибра Владимир Иванович Сельков требовал от меня знания тонкостей планирования и учёта занятий. Учил осуществлять контроль качества ведения документации и проведения занятий. А вот политическую подготовку полностью возложили на меня. На этих занятиях (для повышения степени ответственности), как мог,

пропагандировал ведущую роль подразделения в решении главной задачи крейсера – ведении боя артиллерией главного калибра.

В группе больше всего было москвичей. Они задавали тон, отличались, как сейчас говорят, повышенной креативностью. Придумывали оригинальные способы доставки спиртного на корабль, уклонения от общекорабельных работ, бачкования и прочее. Интеллектуалы и весьма продвинутые ребята. Одним словом, корабельная интеллигенция с явным избытком энергии.

Рис. 3.1. Личный состав группы, свободный от вахт, на экскурсии в г. Ленинграде

Случайный разговор о чуде современной техники на новых кораблях - громкоговорящей связи между боевыми постами, дал толчок идее самим создать такую же связь для боевых постов группы. Общекорабельная громкоговорящая связь на крейсере была, а вот между постами использовались медные трубы со свистками и древний телефон, когда ещё

ручку надо было крутить. Командование боевой части идею поддержало. Из особо шустрых и толковых ребят был создан временный творческий коллектив.

Совместно разработали схему, распределили обязанности. Начали прозванивать кабеля для выявления свободных жил, собирать запчасти для усилителя и так далее. Процесс пошёл. Он, правда, так никогда и не закончился. Вплоть до моего ухода к новому месту службы, связь постоянно совершенствовалась. Главное то, что люди были увлечены интересным делом. И даже мне доверили несколько раз подержать паяльник и что-то припаять. Общее дело сближает и особый головной боли мне личный состав не доставлял.

Связь желательно было сделать к стрельбе главным калибром. Обычно они проводились в конце октября. Стрельбы стволиковые. (К 180 миллиметровому оружию крепился сорока пяти миллиметровый ствол, из которого и производилась стрельба.) Цель морская (щит, который тащил буксир). Все офицеры дивизиона главного калибра должны были уметь управлять огнём. Каждому давалось по десять залпов.

Нужно было взять щит в вилку, быстро рассчитать и ввести корректуры. Темп стрельбы был постоянным. Поэтому нужно было уметь учесть хвосты. (Хвост - залп по старым данным, произведённый в процессе ввода корректур.) В течение года еженедельно проводились тренировки на специальном приборе. Накануне стрельб тренировались ежедневно. Считать нужно было в уме и быстро. Голова трещала от всех этих расчётов.

Кроме того, нужно было готовить материальную часть. Центральный автомат стрельбы (ЦАС) был аналоговым. Эта махина весом около тонны и объёмом примерно около шести кубических метров, состояла из множества металлических деталей (шестерёнок, эксцентриков, валов, карданных передач и т. д.). Все данные вводились вручную. Команды поступали от управляющего огнём и передавались при помощи сельсинов (специальные электрические индукционные устройства со шкалой).

Пара сельсинов (датчик-приёмник) позволяла электрическим способом передать численное значение нужной величины на большое расстояние. Затем данные считывались оператором и вводились в ЦАС. В результате решения задачи определялись вертикальный и горизонтальный угол наведения орудий. Полученные величины таким же образом передавались на орудия. Кроме того, в прибор вводилось множество других данных, таких как курс и скорость корабля, плотность воздуха, вес снаряда, скорость и направление ветра и так далее.

Описываю это для того, чтобы можно было представить объем работ по подготовке к стрельбе. Шкалы сельсинов чудесным образом стремились показывать разные данные. Нужно было проверить согласование шкал сельсинов-датчиков и сельсинов-приёмников. Их было множество. Провести юстировку по звёздам. Проверить и смазать все двигающиеся детали внутри центрального автомата стрельбы. Времени это занимало около недели напряжённой и непрерывной работы, так как накануне стрельбы все ежедневные и еженедельные проверки и регулировки выполнялись повторно.

В последний день подготовки, увидев, как моряки устали, решил им помочь. Проверил регулировку нескольких сельсинов и начал проверять смазку эксцентриков внутри ЦАС. Проверял на ощупь правой рукой. Проверив самый труднодоступный эксцентрик, стал медленно доставать руку из недр прибора. Вдруг раздался дробный звук падающей металлической детали. Широко открытыми глазами моряки смотрели то на меня, то на мичмана Кутузова Алексей Алексеевича.

Как оказалось, обручальное кольцо соскочило с промасленной руки внутрь счётно-решающей части механизма. Оно могло заклинить прибор во время стрельбы. Наступила зловещая тишина. Ведь завтра стрельба! И тогда Алексей Алексеевич Кутузов тихим и практически ласковым голосом сказал: - «Товарищ командир, идите отдыхать. У вас завтра стрельба, а мы с ребятами за ночь все сделаем».

На следующий день утром старшины команды доложили о готовности техники к стрельбе, а старшина команды электриков вручил мне

обручальное кольцо. С тех пор не ношу кольца, да и вообще любой металл. Жена была явно не в восторге, но жёстких санкций не последовало.

Рис. 3. 2. Актив группы на баке у входа в кубрик № 2 (вмб Балтийск)

Управление огнём производилась с командно-дальномерного поста, я был последний в очереди. С удивлением наблюдал, как преображались офицеры после стрельбы. Словно каждый в одиночку разгрузил товарный вагон. Подошла моя очередь. Сразу же взял щит в вилку, рассчитал поправки и дал соответствующие команды, один залп - накрытие щита, корректировка и ещё одно накрытие и уже конец стрельбы.

Сидел весь мокрый, лицо горело, было жарко, хотя в октябре особой жары нет. И, главное, так и не понял, как это делал, всё шло автоматом на уровне подсознания. Когда контролёры с буксира сообщили, что было два попадания в щит и предварительная оценка стрельбы «хорошо», напряжение спало. Стал медленно приходить в себя. На всю оставшуюся жизнь запомнились непередаваемые ощущения от этой стрельбы.

Спустя некоторое время включился в борьбу за выполнение первой за мою службу заботы партии о личном составе. Было принято решение давать кашу

на завтрак, так моряки её сразу выбрасывали за борт. Они по натуре были консерваторами и организовано сопротивлялись различным новациям командования. Была настоящая борьба за поедание каши.

Целый месяц весь офицерский состав корабля и мичмана лично сопровождали процессы получения, накрытия и поедания каши личным составом. Моряки постепенно привыкли, тем более, что помощник по снабжению Валерий Павлович Градиль старался самые вкусные крупы давать на завтрак. Одновременно проверялось распределение по годам службы в очереди за получением пищи.

Вот тогда-то я и заметил странную закономерность. Даже молодые матросы моей группы неизменно оказывались в первых рядах получения пищи. Спросил своего первого заместителя мичмана Кутузова Алексей Алексеевича об этом загадочном явлении. Он поведал мне интересную историю. Оказывается, старослужащие группы, после предварительной работы с личным составом башен, инициировали созыв почти научного симпозиума.

Тема симпозиума – какое подразделение на корабле самое важное. Место проведения - бак (там было оборудовано место для курения). Время проведения - после обеда в ближайшее воскресенье после артиллерийской стрельбы. Состав участников - старослужащие корабля, плюс приглашённые без права решающего голоса все заряжающие башен дивизиона главного калибра.

Дискуссия была жаркой. Использовались, в основном, логические аргументы и контраргументы. Аргумент, что «наш молодой лейтенант и тот разбил щит в щепки» внёс определённый вклад в установление истины. В итоге все, но без всякого удовольствия, согласились с тем, что до следующих стрельб дивизион главного калибра будет получать пищу первым и занимать первые места при просмотре кинофильмов. Кто первым был в дивизионе, думаю, пояснять не нужно. Так я невольно оказался соучастником рождения новой, неформальной традиции крейсера.

В дальнейшем замполит корабля Сергей Сергеевич Костырев, узнав про новую традицию (повезло мне, что он не выявил инициаторов), пытался

устанавливать очерёдность по подразделениям. Составлялись различные графики и дежурные по кораблю должны были его контролировать, но группа все равно каким-то образом оказывалась в первых рядах. Обеспечивая в клубе показ кинофильмов, имел возможность лицезреть довольные физиономии своих моряков, сидящих на первых местах. Естественно, и для меня всегда среди них находилось место.

Личный состав, загруженный, желательно интересным, делом является надёжным тылом любого командира подразделения.

Глава 4. О политической работе и политработниках

На крейсере было более десятка политработников. Замполитом крейсера был капитан 2 ранга Костырев Сергей Сергеевич. Заместителем командира артиллерийской боевой части был капитан 3 ранга Портнов Валентин Григорьевич. Небольшого роста, стройный и аккуратный офицер, всегда спокойный. Говорил тихо, чётко формулируя мысли.

Вникал в детали, иногда даже проявляя, излишнюю дотошность. Обладал редким стилем работы, заключающимся в полном отсутствии давления на подчинённых. Все делалось легко, своевременно и как бы само собой. Готовился к поступлению в политическую академию.

Но вскоре, в связи с возрастающей ролью партии, были дополнительно введены новые штатные должности заместителей командиров дивизионов по политической части (через непродолжительное время они были успешно сокращены за ненужностью). Скоро экипаж крейсера пополнился несколькими молодыми младшими лейтенантами.

Воинское звание присваивалось мичманам, успешно закончившим 18-ти месячные курсы, где-то на востоке страны. Никто толком не знал чем их занять. Уже не мичмана, но ещё и не офицеры. Ходовую вахту нести или катером управлять не могут, уровень подготовки не позволяет; послать старшим картошку разгружать - статус не позволяет. Так что были они в творческом поиске своего высокого предназначения и энергично генерировали различные задания.

Не найдя работу для себя они успешно придумывали её для других. Как-то, когда мы с корабельным терапевтом Юрием Георгиевичем Вилиным вели деловую беседу, ко мне в каюту зашёл заместитель командира дивизиона по политчасти (даже фамилию и имя не запомнил, так быстро их сократили) с новой вводной. (Его стиль работы резко контрастировал с методами Портнова Валентина Григорьевича и поэтому автоматически вызвал отторжение, и даже сопротивление.)

Необходимо было через две недели представить ему для проверки настенную газету дивизиона, посвящённую Октябрьской Социалистической революции. На что я ему практически вежливо заметил, что у меня вообще-то сейчас идёт подготовка к стрельбе и не хотел бы он сам лично заняться выпуском этой газеты. Кроме того, выпуск газет это его служебная обязанность, а для меня всего лишь общественная нагрузка.

Стрельбы прошли успешно, газета не была выпущена. Замполит получил причитающийся ему строгий выговор. Встал вопрос и о моём наказании. Разбирать аморальное поведение Тельнова М. М. на комсомольском собрании артиллерийской боевой части было бессмысленно. Поэтому решили сразу же рассматривать персональное дело на комитете комсомола крейсера. Явка была стопроцентной, все члены, как один, были на заседании комитета ВЛКСМ.

Слушая некоторые выступления, ловил себя на мысли, что попал вместе с Алисой в Страну Чудес. Однако, здравый смысл всё таки возобладал, показательной порки не получилось. Более того, секретарь комитета ВЛКСМ лейтенант Иванов Валерий Иванович стал яростно защищать меня, вопреки мнению замполита. В итоге не был подвергнут даже резкой критике и отпущен восвояси. Больше газетами меня не напрягали, но, как впоследствии оказалось, этот случай не забыли.

В конце мая 1969 года командир крейсера капитан 1 ранга Макаров Владимир Павлович, пребывая в хорошем расположении духа, зашёл на обед в кают-компанию офицеров. Коротко и положительно оценив деятельность лейтенантов крейсера в течение года, он объявил, что всем подписал представления на присвоение воинского звания старший лейтенант. Прошло два месяца, все уже успели обмыть свои звёздочки, а на меня приказа всё нет. В глубокой задумчивости, размышляя о превратностях судьбы, отправился к секретчику узнать исходящий номер своего документа. Каково же было моё удивление, когда выяснилось, что представление на меня не отправлялось.

Оказывается, что кое-кто позвонил и сказал, чтобы его положили под сукно. Первая мысль была, что это звонил командир, но это явно расходилось с его

словами в кают-компании и никак не соответствовало моим представлением о его стиле работы с офицерами. Он, скорее всего, сказал бы прямо в лицо. Секретчик заверил меня, что это не командир. Тогда мне пришлось повторно удивиться. Кто на корабле может отменить приказание командира крейсера?

Такая постановка вопроса расстроила секретчика. «Опять останусь крайним» - сказал он и заверил, что сегодня же отправит представление и попросит дать ему зелёный свет. В те времена это был очень смелый поступок самодостаточного человека, достойного всяческого уважения. Через полтора месяца мне присвоили воинское звание старшего лейтенанта.

Не мог не пригласить обмыть звёздочку и секретчика. Там он рассказал, что получил приличную выволочку от кое-кого, но фамилию так и не назвал и о содеянном поступке не сожалеет. Хотя и не назвал конкретного человека, думаю, что это, скорее всего, было связано с событиями по выпуску настенной газеты. Так я получил свою первую политическую прививку.

В критических ситуациях, когда команда политработников крейсера действовала в русле решения конкретной корабельной задачи, она была весьма эффективной. В качестве поучительного примера можно привести работу по организации социалистического соревнования в честь дня рождения Владимира Ильича Ленина (22 апреля 1970 года).

Поскольку в политическом деле любой внезапный патриотический порыв масс должен организовываться исключительно сверху (противоположная ситуация считалась потерей управления) примерно за полтора года до празднования Главное политическое управление Советской Армии и Военно-морского флота (ГПУ СА и ВМФ) предложило экипажу крейсера «Киров» выступить инициатором социалистического соревнования в Военно-морском флоте. (был ещё девиз, но я его не помню).

ГПУ СА и ВМФ были определены некоторые показатели конечного результата соревнования. Командование корабля с учётом своих возможностей доработало и конкретизировало эту систему показателей. После утверждения модель желаемого состояния крейсера к апрелю 1970 года фактически стала приказом для командования корабля. Всю техническую работу возглавил Сергей Сергеевич Костарев.

Для каждой категории личного состава были разработаны, варианты коллективных и индивидуальных обязательств. Практически все пункты оценивались конкретными количественными показателями с привязкой ко времени. После этого был выпущен проспект с основными требованиями к личному составу срочной службы для поощрения грамотами, фотографиями, письмами на Родину и так далее.

Таким образом, обязательства автоматически превращались в план личностного и профессионального роста для достижения вполне конкретной цели. Это важный психологический момент. У многих есть обязательства по возвращению кредита банкам, только отдавать его не очень-то хочется.

На первом этапе планирование шло снизу вверх, что позволяло определить возможности корабля. Все обязательства - планы суммировались в подразделениях и так до корабля. Из сводных данных каждого подразделения сразу было понятно сможет ли оно получить звание отличного, и что конкретно нужно было для этого сделать.

На втором этапе планирование шло сверху вниз, от директивных показателей корабля до конкретного матроса. В результате по всей иерархии определялся разрыв между текущими возможностями и желаемым состоянием крейсера в будущем. Каждое подразделение имело свою конкретную величину разрыва.

Например, возможности моей группы позволяли свободно выполнить все директивные показатели, но, для уменьшения рисков, (увольнение в запас, болезнь, перевод специалиста на другой корабль, провал испытаний) решил увеличить некоторые показатели на 10 - 15 процентов.

Положительной стороной определения разрыва, кроме выявления наиболее слабых подразделений, было определение критичных для крейсера параметров. Это позволяло разработать комплекс конкретных практических мероприятий, как применительно к каждому подразделению, так и для корабля.

Например, для критичного показателя крейсера «классность» было рекомендовано проводить в общекорабельном масштабе дополнительные

занятия по специальности, закрепить за слабыми матросами наставников, проводить предварительные испытания на классность, результаты которых засчитываются в случае успешной сдачи.

Жёстко контролировал всю работу лично Сергей Сергеевич Костырев. Говоря современным языком, Сергей Сергеевич создал и увязал между собой две системы планов - плана развития организации и планов личностного и профессионального роста. Таким образом, он фактически создал технологию, которая явилась мощным инструментом управления развитием коллектива.

Каждая организация, описываемая рядом количественных показателей, может использовать эти мощные инструменты управления развитием коллектива, используя комплекс взаимосвязанных планов личностного и профессионального роста и планов развития структурных подразделений организации.

Что касается офицеров и мичманов, то предложить им особо было нечего. Лично я стремился использовать набор общих фраз типа «соблюдать моральный кодекс» или включать уже выполненные пункты. Список получался внушительным, но не для зама. Он настаивал на включение пунктов по изучению первоисточников.

Таким образом, с лёгкой руки замполита, шесть довольно больших работ В. И. Ленина попали в мои обязательства. С большой долей вероятности, думаю, что и другие офицеры придерживались, в основном, такой же тактики. Изучение и конспектирование работ классиков из рекомендованного списка должно было включаться в обязательном порядке.

В начале апреля ожидалась проверка ГПУ СА и ВМФ, подготовка шла полным ходом. Нужно было готовить документы к проверке, так меня угораздило заступить в гарнизонный караул. Караул выделялся на гарнизонную гауптвахту (мерзопакостное место). Несение службы начал с того, что построил старшину гауптвахты, который пытался давать мне какие-то указания.

Далее всё шло штатно, пока не обнаружилась пропажа целого рожка с патронами от автомата Калашникова у одного из караульных. Быстрое расследование выявило, что в моё отсутствие молодой матросик, в нарушение всех инструкций, пропустил, якобы для осмотра караульного помещения, старшину гауптвахты, который и утащил рожок с патронами у отдыхающей смены.

Вскоре появился комендант города Кронштадта полковник Катеринко. Он пригласил меня в кабинет, отдал мне рожок с патронами и назначил аудиенцию в комендатуре на следующий день вместе с моим начальником. Мои логические аргументы о неправомерности подобных действий со стороны старшины гауптвахты и то, что я мог вполне законно арестовать и посадить его в камеру за хищение боеприпасов у караула, ожидаемого действия на коменданта не возымели.

Видимо логика в данном случае была бессильна. Комендант пришёл в ярость и лично выписал мне записку об аресте на 5 суток. Вручив её моему командиру дивизиона Владимиру Ивановичу Селькову, наказал посадить меня в кратчайший срок. Пребывая в расстроенных чувствах по поводу недостаточной силы логических аргументов, зашёл в каюту к главному штурману капитану 3 ранга Ринарди Евгению Александровичу пожаловаться на несправедливость.

(Капитан 2 ранга Ринарди Е. А. был начальником походного штаба от Балтийского флота во время проводки ракетного крейсера «Киров» через Балтийские проливы. Обнялись, накоротке перекинулись несколькими фразами и разбежались, было не до разговоров.)

Я в красках подробно живописал всю эту историю. Но он, вместо сочувствия, стал смеяться, да так заразительно, что уже через минуту мы хохотали вместе. Минут через десять этого сумасшествия, он стал вытирать слезы приговаривая: - «Ну и уморил ты меня. Давно так не смеялся». Я посетовал что, когда работы на корабле полно, просто сидеть на гауптвахте без дела довольно обидно.

Он согласился со мной и добавил, что у него тоже нет ни минуты свободной, а тут ещё замполит грозился конспекты первоисточников поверить, но сейчас

не до них. Кстати, продолжил он, вот и займись ими на гауптвахте. Конспектировать первоисточники разрешено и даже приветствуется. Время на гауптвахте тянулось медленно, но работы законспектировал довольно быстро. Не зная чем себя занять в последний день, попросил у писаря цветные карандаши. Теперь конспект у меня был словно новогодняя ёлка.

Выйдя на свободу с чистой совестью, первое время ощущаешь себя необычно. Обострённое восприятие, словно видеокамера чётко фиксирует в памяти все события, происходящие вокруг. Зашёл в рубку дежурного доложить о прибытии. Дежурный по кораблю, увидев меня обрадовался и сказал, что уже идёт проверка ГПУ СА и ВМФ. Скоро начнут проверять артиллеристов, поэтому сидеть в каюте и ждать проверяющего офицера.

Только успел переодеться, чтобы избавиться от специфического запаха гауптвахты, в каюту, предварительно постучав, зашёл целый капитан 1 ранга. Он был маленького роста, полный, порывистый в движениях, с живыми глазами. Его круглое выразительное лицо всем своим видом демонстрировала уныние, как если бы ему уже были заранее известны результаты проверки.

Он взял мои социалистические обязательства и последовательно называл пункты. Я ему показывал документы, подтверждающие выполнение. Когда дошли до работ классиков, он ехидно спросил: - «Ну что не успел из-за нехватки времени?». «Вообще-то у меня всё законспектировано» - ответил я ему и стал последовательно показывать работы. Проверив последнюю работу, он на некоторое время замолчал.

Чередой разнообразных мыслей пробежала по его выразительному лицу. Видимо сначала он усомнился в моей психической адекватности, потом стал лихорадочно искать подвох. Не найдя, усомнился в моей личности, попросив на всякий случай показать удостоверение. Убедившись, что с этим всё в порядке, с трудом собрал все свои мысли в кучку и принял какое-то важное для себя решение. Далее он забрал мой конспект и обязательства, и что-то бормоча, быстро вышел из каюты и удалился в неизвестном для меня направлении.

Его можно было понять, так как потратить уйму служебного времени на изучение теории подготовки и осуществления революции, да ещё и с любовью законспектировать материал, по меньшей мере, было странно с точки зрения здравого смысла и весьма необычным поступком для флотского строевого офицера. Видимо, я здорово отличился на фоне остальных, вполне нормальных офицеров.

После отъезда комиссии меня вызвал к себе замполит корабля Сергей Сергеевич Костарев. Он был в очень хорошем расположении духа, вернул мне конспект и сказал: - «Молодец, не подвёл. Хороший конспект». Невозможно было возражать столь большому и опытному начальнику в его справедливой и принципиальной оценке. Тем более, что, скорее всего, отдельные недостатки по несению караульной службы ушли далеко на задний план.

В итоге, попал в группу передовиков соревнования и был награждён медалью.

Рис. 4.1. Передовики соцсоревнования, награждённые медалью, (слева – направо, сверху – вниз, помощник командира Кулешов А. И., секретарь комитета ВЛКСМ Иванов В. И., командир дивизиона движения Буюк В. ?, командир электротехнического дивизиона??.?, замполит БЧ-5 Мухамеджанов А. У., командир БЧ-4 Владимиров ??.?, пропагандист Вештеюнас ??.?, командир БЧ-5 Халиманович Г. Т., начальник МедСл Рохлин С. П., старпом Мамзиков Г. А., начпо соединения ??.?, командир соединения Петерсон А. В., замполит крейсера Костарев С. С., помощник по снабжению Градиль В. П., командир ГУАО ГК Тельнов М. М.)

Анализируя проблемные ситуации на почве политработы, пришёл к выводу, что все они происходили, в основном, по двум причинам. Во-первых, исходя из различного понимания того, кто в данный момент решает главную задачу, а кто должен обеспечивать её выполнения. Так, в случае с выпуском настенной газеты, я считал (и сейчас считаю), что действую на главном направлении и покушение на мой основной ресурс – время, непозволительно. Наоборот, следует всячески помогать при выполнении

этой главной задачей. Большинство опытных политработников так и действовала. Поэтому почвы для конфликтов просто не было.

Во-вторых, конфликтные ситуации могли возникать из-за сбоя в системе здравого смысла (с моей точки зрения). Например, узнаю, что во время и после политзанятий офицерскому составу было рекомендовано разъяснять новую заботу партии о личном составе, проявляющуюся в введении крючков на ботинках, что позволяло их быстро зашнуровывать и тем самым значительно принималась боевая готовность корабля.

Спустя некоторое время предлагается разъяснять новейшую заботу партии о личном составе по отмене крючков на ботинках, так как последние рвут шнурки, что в дальнейшем позволит сэкономить значительные народные средства. Если бы мне лично не предложили поучаствовать на этом празднике жизни, то я может и не обратил бы никакого внимания. Пришлось сказать, что это просто идиотизм, чтобы немного подумали за кого они людей держат. В политотдел доложили или нет, не знаю, но гласных санкции не последовало.

Вторая показательная история произошла, когда я, будучи в командировке в городе Североморске, зашёл с визитом вежливости к уважаемому мной начальнику. Контр-адмирал тепло встретил меня, вестовой принёс крепкий ароматный чай (по сей день помню его прекрасный аромат). Тихо ведём беседу о проблемах флота, вспоминаем былое, как приходит рассыльный с книгой телефонограмм. Прочитав текст и расписавшись, начальник молча даёт мне книгу.

Читаю телефонограмму с примерно таким текстом: «В 9 00 понедельника доложить количество перестроившихся офицеров, не перестроившихся указать пофамильно». Далее подпись какого-то большого политического начальника. Стало понятно, что нужно уходить и не мешать отрабатывать столь важную вводную. (Жаль, что чай не допил, да и беседа была душевной.)

Так и ушёл, не рискнув дать совет, который вертелся на языке. Если исключить не нормативную лексику, то звучит он, примерно, так: - «Как спрашивают, так и отвечаем». Опыт показал, что сам факт своевременного

ответа значительно важнее его содержания. Складывалось впечатление, что все эти бумаги вообще никто не читает.

Странное ощущение возникало, когда речь шла о светлом будущем, заботе партии и грандиозных успехах, на фоне полного отсутствия снабжения населения города Североморска мясом. При этом в местной прессе оленеводы докладывали о перевыполнение плана по заготовке оленьих шкур и сетовали, что некуда поставлять мясо оленей.

Справедливости ради могу сказать, что в приватной беседе многие осознавали некоторую двусмысленность своего положения. Будучи высокообразованными и умными людьми, они не могли не замечать некоторые странности в работе системы, заложником которой сами являлись.

В заключение можно сказать, что каждый раз, когда политработа велась в контексте решения конкретных задач, обеспечивая получение результата, она приносила ощутимую пользу. Более того, события последних лет показывают возрастающую роль таких специалистов. Современные достижения социально-политической психологии позволяют относительно быстро, как взламывать, так и заменять существующую идеологическую систему. (Словно операционную систему компьютера.)

Цветные революции по ущербу сравнимы с оружием массового поражения, по целям и организации проведения со стратегической операцией. Так что, если не проспим, в ближайшем будущем следует ожидать появление специальной структуры для ведения информационной борьбы как в относительно мирное, так и в военное время. И, следовательно, востребованности бойцов и командиров идеологического фронта, но уже подготовленных на качественно ином уровне. Но это уже другая история.

Глава 5. Некоторые заключительные наблюдения и выводы

Задача, поставленная первый раз, несёт в себе вызов. Задача, хорошо выполненная во второй раз, приносит удовлетворение. В третий раз её выполнение становится рутинным и весьма не интересным делом.

Озаботившись поиском новых вызовов, отправился с визитом к своему кадровику в отдел кадров базы. Нужно отдать должное, они всегда радушно встречали посетителей. Это давало им возможность судить об офицере не по бумажкам, а составить личное представление о вполне реальном человеке.

Капитан 3 ранга, курировавший крейсер, порадовать ничем не смог. Более того, не опровергнул и не подтвердил появившиеся слухи о предстоящем расформировании экипажа в связи со списанием крейсера для передачи его в отдел фондового имущества для разделки. Такая реакция уже сама по себе настораживала.

Спустя несколько месяцев на корабле с проверкой работал флагманский артиллерист бригады капитан 2 ранга Наколюшкин Николай Иванович. Он внимательно и с пристрастием проверял состояние дел в группе. В заключение неожиданно спросил, не хотел бы я пойти на должность командира артиллерийской боевой части эскадренного миноносца. Не раздумывая сразу же согласился.

В ноябре пришёл приказ о назначении. Официальные проводы состоялись в салоне отдыха офицеров. Командир крейсера и заместитель по политической части произнесли короткую напутственную речь и пожелали успешной службы на новом месте. Командир башни Корольков Николай Семёнович вручил мне переносной приёмник на память от офицерского состава крейсера, предварительно прочитав выгравированную на нём надпись. На этом официальная часть закончилась.

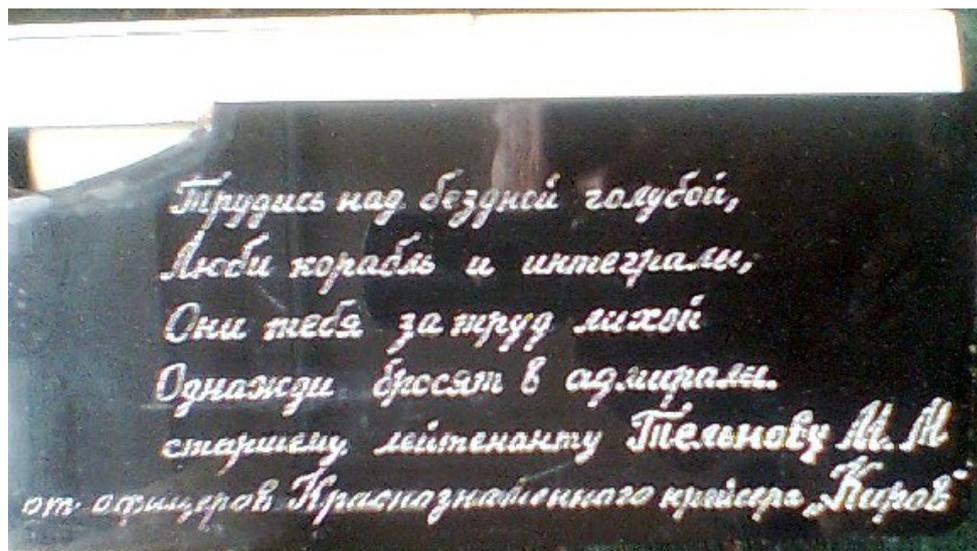

Рис. 5.1. Надпись на приёмнике VEF 201 (приёмник несколько раз падал во время переездов, откололся угол, уже не работает, но храню как дорогую награду)

В заключение было бы неправильно умолчать о некоторых наблюдениях и уроках, обусловленных влиянием, оказанным экипажем крейсера, на своего лейтенанта.

Организационная атмосфера крейсера. Всегда хотелось особую атмосферу крейсера и его организацию перенести в новый коллектив. Однако, со временем, осознал необходимость учёта двух важных факторов.

Во-первых, сама по себе крейсерская организация не самоцель. Это хороший инструмент, позволяющий коллективно и одновременно решать большое количество различных задач. Без достаточного объёма задач требования по должной организации народом, в лучшем случае, воспринимаются, как самодурство.

Во-вторых, в своём развитии любая организация последовательно проходит вполне определённые этапы и методы организационного управления, с точки зрения эффективности, должны соответствовать этим этапам.

На новом месте крейсерские порядки сразу же воспринимались в штыки. Экипажи эсминцев, считая себя особой кастой, сначала всегда энергично и активно сопротивлялись. Но когда требования должной организации

наполнялись необходимостью решения большой объёмной задачи, всё менялось.

В процессе её выполнения даже ярые скептики начинали ратовать за справедливое распределение объёма работ, соблюдение режима труда и отдыха, своевременное обеспечение инструментом и материалами и так далее. Следовательно, все невольно становились сторонниками хорошей организации. Важно было только хорошо продумать и чётко сформулировать задачу.

Другое дело, когда экипаж только формируются. Множество здоровых, амбициозных, да ещё и с красными дипломами, молодых людей, особо не обременённых ответственностью и большим объёмом задач, находятся в одном месте. Система ценностей и неформальные традиции отсутствуют. Коллектива ещё нет, можно рассчитывать только на порядочность каждого в отдельности. Самый опасный период становления любого коллектива.

Можно, где-то глубоко в глубине души быть большим демократом, но ситуация будет требовать от руководителей достаточной жёсткости и строгости. Хорошим признаком начала зарождения экипажа и его системы ценностей является ворчание по поводу излишней требовательности и принципиальности.

Это означает, что, во-первых, что лёд тронулся, во-вторых, что появляются условия, в соответствии с которыми личные амбиции нужно починать интересам общего дела, в-третьих, начавшийся процесс становления коллектива всё-таки является управляемым со стороны начальников.

В дальнейшем, по мере решения большого количества объёмных задач, происходит мучительное и постепенное осознание тех выгод, которые несёт каждому члену экипажа хорошая крейсерская организация. Формируется система ценностей и неформальные традиции.

Группа людей превращается в зрелый коллектив, способный самостоятельно решать типовые задачи. И, хотя «ребёнку» ещё три – четыре года, можно уже начинать думать о внедрении элементов матричной организации.

Некоторые приёмы личной работы. *Планирование.* Решая новую задачу мы, как правило, опираемся на прошлый положительный опыт. И это правильно. Однако, условия постоянно изменяются. Иными словами, решения принятые на основе прошлого опыта в новых условиях могут не сработать. Нужно научиться изменять ход решения задачи сообразно вновь открывшимся обстоятельствам. Своевременная корректировка действий возможна на основе анализа реальной ситуации и упреждающего планирования.

Служба на крейсере научила ежедневно, обычно после отбоя личного состава, уделять 30 40 минут анализу событий текущего дня и подготовку перечня распоряжений на следующий день. Все распоряжения должны быть отданы утром сразу после подъёма Военно-морского флага. Это позволяет, приняв вечерний доклад, после ужина выборочно проконтролировать их выполнение.

Если мысли пробили себе дорогу с утра, то распоряжения, отданные после обеда, исполняются халатно и без должного контроля. Подразделение начинает лихорадить авралами и ночными работами. Микроклимат в коллективе взрывной, постоянно чувствуется нервозность. Это признак плохого управления. Ложится позже и иногда вставать раньше своих подчинённых удел любого начальника.

Самообразование. Необходимость постоянно сдавать различные зачёты на допуск заставляли постоянно учиться. Учиться у подчинённых, у сослуживцев, начальников, изучать документы. Кроме того, атмосфера крейсера располагала к постоянному познанию нового.

Это был единственный способ для лейтенанта получить признание сослуживцев независимо от их воинских званий. Так же как и планирование это постепенно становилось потребностью. Лучше найти для занятий 30 – 40 минут, но каждый день, чем запланировать 6 часов в месяц, которые так никогда и не наступят.

Важно, чтобы близкие люди с пониманием относились к стремлению искать новую информацию. Процесс поиска не электричка, стоп-краном не остановишь. И если супруга с пониманием относится к этому, считайте, что повезло.

Отношение к алкоголю. Служба на крейсере позволила сформировать вполне осознанное и резко отрицательное отношение к алкоголю, особенно на службе. В дальнейшем мне не попадались коллективы, где неформальным лидером были бы «крутые парни», способные выпить больше всех. Как правило, авторитетом пользовались мастера своего дела или спортивные ребята.

Однако, проблема «застенчивых парней» возникала довольно часто. Это ситуация, когда «крутые парни», испытывая дефицит признания, самоутверждаются тем, что постоянно организуют различные посиделки по самым разнообразным поводам.

«Застенчивые парни» стесняются дать им должный отпор, боясь выглядеть слабаками в глазах коллектива, и постоянно попадают в неприятную ситуацию. При этом «крутые парни» всегда оказываются трезвыми и, как бы, не при чём. Явный сбой в системе ценностей группы.

Ещё есть тип «горемычных парней». Каждый раз после стрессовой ситуации, они заглядывают на дно бутылки до непотребного состояния. Оправдывая свои поступки невезением, они каждый раз упускают шанс, данный им судьбой, стать сильнее. Стать настоящим мужиком, способным держать удар, и вполне осознано бороться с превратностями судьбы, как настоящий воин.

Как бы то ни было, в любом случае необходима настойчивая работа по формированию в коллективе здоровой системы ценностей и неформальных традиций, строго и жёстко реагировать даже на малейшие признаки употребления спиртного на корабле.

И, хотя на крейсере в этом плане была относительная демократичность, позднее стало очевидно, что польза призрачна, а вред очевиден. Так что в плане алкоголя перестроился задолго до начала перестройки.

Отношение к специалистам. Не пытаться подменять специалистов. Они наверняка сделают лучше. Но понимать, как и для чего они это делают нужно. Гораздо важнее личная натренированность для выполнения своих функций. Это гарантирует, что хорошо выполненная подчинёнными работа

не будет вами же и загублена из-за личной неподготовленности. Доведённые до осознанного автоматизма командные навыки позволяют вполне осмысленно осуществлять управление подразделением для получения более высоких результатов

Исключительность какого-либо подразделения. Идея исключительности в любой форме автоматически ведёт к перекосам в системе отношений в коллективе, причём не в лучшую сторону. Принципы равенства и взаимопомощи являются базовыми для работы в подразделениях, проверены практикой, отходить от них даже в мелочах недопустимо.

Ношение колец. Служба на крейсере сформировала отрицательное отношение к ношению колец, перстней и так далее, с учётом современных веяний, и к нанесению татуировок.

Заключение

Уважаемый читатель, если эта книга вызовет у Вас неоднозначную реакцию и захочется больше узнать об артиллерийском крейсере «Киров» и возникнет интерес к поиску новой информации, то мой труд был не напрасным.

Материал написан исключительно на основе эмоционально окрашенных впечатлений 45-ти летней давности, поэтому отражает личную и сугубо субъективную точку зрения автора. К сожалению, некоторые фамилии и имена забыты, не оказалось и достаточного количества фотографий.

Текст намеренно написан с минимальным использованием специальных терминов в расчёте на растущий интерес к истории крейсера молодого поколения.

Вы можете прислать свои личные соображения на мой электронный адрес: **telnov.m@kreiserkirov.ru**.

Успехов в делах.

Приложения

После публикации в интернете материала по крейсеру «Киров» часть офицеров откликнулась по указанному в работе электронному адресу. Некоторые прислали интересные материалы. После продолжительных размышлений принял решение опубликовать присланный материал в специальном приложении к электронной книге. Особая благодарность Вилину Юрию Георгиевичу, который положил начало данному почину.

1. Материал предоставленный Вилиным Ю. Г.

Вилин Юрий Георгиевич

Операция в море, сентябрь 1970г.

Учебный крейсер «Киров» совершает последнее за навигацию плавание с курсантами военно-морских училищ на борту по традиционному маршруту Кронштадт- Балтийск с заходом в Лиенау, Ригу, Таллинн. Корабль уже лёг на обратный курс, когда ко мне в кают- компании подошёл вестовой и сообщил, что меня вызывают в медотсек.

Здесь надо сказать несколько слов о медицинской службе крейсера: она состояла из начальника (в описываемый период майор м/с Рохлин С.П. находился в очередной командировке на гидрографических судах в Индийском океане, а я ,как всегда, исполнял обязанности начмеда) , 2-х выпускников 1-го Ленинградского мединститута(как нас называли офицеры крейсера-«старые лейтенанты»,т.к. одному было 26,а другому 27 лет) и

врача-стоматолога, выпускника стоматологического факультета нашего института, который из всей медицины признавал только стоматологию.

Оказалось, что к дежурному санинструктору обратился матрос В.Шульц с жалобами на боли в животе. Я осмотрел его, диагноз сомнений не вызывал -острый аппендицит. Я попросил пригласить второго врача, Пашкова В.И.

Наши мнения совпали, но когда мы уточнили у больного, что первый приступ болей имел место более суток назад, нам стало немного не по себе-драгоценное время упущено (матрос боялся ,что его оставят в госпитале в Балтийске). Я позвонил в ходовую рубку и попросил разрешения прибыть с докладом к командиру. Мы пошли вдвоём.

Командир, капитан 1-го ранга Макаров В.П. нас выслушал и спросил о дальнейших действиях. Я сообщил о необходимости срочной операции; командир ответил, что даже при форсированном ходе мы будем в одном из наших портов только через 6-7 часов. Мы с Пашковым переглянулись и сказали ,что тогда сделаем операцию сами, не зря же нас учили на кафедрах Колесова В.И. и Углова Ф.Г., да и до призыва в 1968 году, кой-какой опыт у нас уже имелся.

Ещё с мостика я по телефону дал распоряжение готовить операционную и хирургический набор. В медотсеке мы начали мыться по традиционному методу. Необходимо сделать ещё одно отступление: медотсек конструктивно располагался над машинным отделением, в связи с этим летом в походе температура в отсеке достигала 35-37 градусов.

Уложили пациента, обработали операционное поле, начали вводить новокаин. Глаза заливают пот, очень душно. Попросил связать меня с мостиком, доложил обстановку и получил разрешение отдраить иллюминаторы в отсеке и выставить «уши»(самодельные воздухозаборники из листовой жести).Закончили анестезию, и новая напасть- на море усилился шторм и волны стали иногда заливать в иллюминаторы.

Снова связались с командиром, спросил- нельзя ли изменить курс. Командир спросил, сколько нам надо времени; я назвал «с походом» - 2 часа. В ответ услышал, что таким ходом мы будем в шведских водах через 3 часа. Операцию мы завершили за час с четвертью.

В конце операции удаленный отросток был торжественно помещён во флакон со спиртом, каковое действие сопровождалось унылым вздохом нашего мичмана(он считал это нерациональным расходом живительной влаги).

Доложили на мостик о завершении операции. Перед ужином мы зашли в медотсек, самочувствие пациента было нормальным. Наше внимание привлекли оживлённые голоса из изолятора. Заходим и видим картину малых голландцев или «пир горой»: на столе и койках лежали фрукты, различные консервы(тушёнка, горбуша, шпроты, олений язык, сгущёнка, кофе со сливками), яйца, шоколад. Оказалось, наши санинструкторы «раскрутили», как теперь говорят, снабженцев на усиленное питание для больного. Естественно, в этот день бачковой из медслужбы на камбуз за ужином не ходил.

Через два дня мы пришли в Кронштадт. На пирсе Усть-Рогатки нас встречало всё медицинское начальство - флагманские врачи дивизии и бригады, начальник госпиталя и начальник хирургического отделения. Нашего пациента увезли в госпиталь. Через неделю он вернулся достаточно грустным. При разговоре с ним выяснилось, что его надежды на досрочную демобилизацию не оправдались: ГВВК дала ему только месяц отпуска при части; демобилизовался он со своим призывом в ноябре месяце.

Данный случай нашёл отражение в заметке «Операция в море», опубликованной флагманским врачом бригады майором м/с В.Безъязычным в газете ЛенВМБ и ВМУЗ «Советский моряк» от 8 октября 1970 года. (Рис. 1. 1.) И, естественно, в вахтенном журнале крейсера, запись за 20 сентября 1970 г., воскресенье. (Рис. 1. 2.)

Вилин Юрий Георгиевич

Санкт-Петербург, июль 2015г

Рис. 1. 1. Заметка «Операция в море»

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
Ф И Л И А Л
(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 1 " июля 2015 г. № 7679

На №

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В вахтенном журнале крейсера «Киров» 4 учебной дивизии кораблей Ленинградской военно-морской базы, начатом 26 августа и оконченом 21 сентября 1970г, значится:

«Из Балтийска в Кронштадт. 20 сентября. Воскресенье.

09 часов 35 минут. В операционной начали операцию по удалению аппендицита у матроса Ведут операцию л-т Пашков, л-т Вилин.

11 часов 43 минуты. Операция по удалению аппендицита у матроса ... закончена успешно. Состояние матроса ... удовлетворительное».

Основание: ф.1144, оп. 428с, д. 10, л. 91.

Заведующий архивохранилищем

В.Рязанова

Рис. 1. 2. Архивная справка